

сохранилась. Но невозможно предположить, чтобы пахучая пряная разновидность была бы продуктом культуры: во-первых потому, что, если бы это свойство не было природным, не из-за чего было бы его и культивировать; а во-вторых потому, что, хотя многие свойства были приданы растениям культурой, мы видели уже однако, что нет примера, чтобы этим путем был придан запах растению не душистому, или даже чтобы запах был усилен или улучшен иначе как гибридацией с природно душистыми видами или разновидностями.

[*37] Относительно тыкв надо вообще заметить, что, не будучи съедобными незрелые, они и вообще не привлекательны в сыром состоянии. Их, следовательно, не едят на месте, как арбузы, причем семена могли бы рассеиваться, а уносят домой и варят, причем семена или также съедаются, или пропадают, или размножаясь отчасти около жилищ, становятся таким образом, как бы культурными, а для размножения дикого вида по всяком, случае пропадают.

[*38] Впрочем растение это едва ли следует считать исчезнувшим в диком состоянии, так как Лурейро положительно говорит, что оно в изобилии растет в Кохнихине.

[*39] Имеет всего только одно семя, при большой мякоти, тем более следовательно имело шансов погибнуть.

[*40] Про кукурузу и Декандоль замечает, что это весьма невыгодно устроенное растение для выдерживания борьбы за существование.

AD NOTEM

СОДЕРЖАНИЕ

2
Дарвинизм. Критическое исследование.
Глава 5.

Гл. редактор
Горяинов А.Е.

Редактор
Виолован К.Е.

Консультанты
д. ф.-м. н.
(ядерная физика)
Ольховский В.С.
д. б. н.
(биология)
Сидоров Г.Н.
к. г.-м. н.
(геология)
Лаломов А.В.
(биохимия)
Виолован К.Е.
(физика земли)
Головин С.Л.

Литературный редактор
Евдокимова Н.А.

Корректор
Серебрянская В.А.

Набор и верстка
Головко А.А.

Адрес редакции
95011 Симферополь
«Момент Творения»

Права защищены.
Любое использование материалов или фрагментов из них может быть только с наличия разрешения редакции.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов.
Ответственность за достоверность информации несет автор публикации.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

проф. Н. Я. Данилевский

ДАРВИНИЗМ. КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Глава 5.

Размеры изменчивости домашних животных и культурных растений.

Достигли ли они видовой степени различия? - Двойкий ответ на это Дарвина. - Character non facit genus. - Признак это - ярлык. - Дарвиново объяснение Линнеева афоризма. - Несообразность этого объяснения с его же учением. - Пример верблюдов. - Разбор Дарвинова объяснения бесплодия видов и плодовитости домашних разновидностей. - Противоречия, в которые он сам с собою впадает. - Опровержение доказательств несущественности значения бесплодия видов сравнением с другими физиологическими различиями: с прививкою, временем беременности и прорастания семян, действием ядов.

Предположения о видовом различии многих культурных растений с их неизвестными дикими предками. а) *Прямые доказательства Дарвина.* - Фактическое опровержение мнения о невероятности открытия диких родоначальников культурных растений: Андалузская и Нордманова пихты, лжекаштан, сирень, тубероза. - Результаты новейших исследований Альфонса Декандоля о происхождении культурных растений. - Возможность исчезновения диких родоначальников некоторых культурных видов. - Обстоятельства сему благоприятствующие. - Съедобность незрелых плодов, корней, стволов, цветов, семян. - Примеры ослабления размножения от сбора плодов: поленика, виноград. - Содействующее влияние однолетности, отсутствия усов, клубней, ограниченности первоначального отечества, исключительности свойств местонахождения, двудомности и роста сплошными обществами. - Применение этих условий к отдельным примерам исчезновения

[\[*21\]](#) M. Edw. Lecons de Phys. Et d'Anat. Comp. T. XIV, p. 297.

[\[*22\]](#) Дарв. Прир. жив. и возд. раст. II стр. 443.

[\[*23\]](#) M. Edw. Lecons de Phys. Et d'Anat. Comp. T. XIV p. 317. Подстрочное примечание.

[\[*24\]](#) Darw. Orig. o spec. II Americ. Edit. P, 40, и VI edit., p. 27.

[\[*25\]](#) Прируч живот. и возд. раст. I, стр. 318.

[\[*26\]](#) Spach. Hist. Natur. Des vegetaux phaner. T. XI; p. 404.

[\[*27\]](#) Gard. Chron. Vol. V. p. 130 June 24, 1876.

[\[*28\]](#) Прируч. живот, и возд. раст. I, стр. 317.

[\[*29\]](#) Из письма Вице-Президента Географического Общества Н.Н. Семенова, получившего эти сведения непосредственно от г. Пржевальского.

[\[*30\]](#) Transaction of the Horticult. Society. T. I, p. 41.

[\[*31\]](#) Произрастает в холодной и умеренной полосе (Мексики); в старом свете неизвестна.

[\[*32\]](#) Прируч. живот. и возд. раст. 1, стр. 317.

[\[*33\]](#) Alph. Decand. Origine des plantes cultivees, p. 368.

[\[*34\]](#) Прируч. живот, и возд. раст., I стр.318.

[\[*35\]](#) Прируч. жив. и возд. раст. I, стр. 321.

[\[*36\]](#) Про гвоздичное дерево должно заметить, что то, которое отличается сильным гвоздичным запахом, составляет может быть не особый вид, а только разновидность. Для нас, в рассматриваемом теперь отношении, это было бы совершенно безразлично. Та разновидность, которая отыскивалась человеком, погибла бы вследствие недопуска до образования семян и следовательно до размножения; а не пахучая разновидность при этом бы

следствии возвращение. Факт этот был констатирован в акклиматизационном саду.... Наблюдения и опыты, произведенные в парижском обществе акклиматизации, ясно доказывают, что лепориды, присланные самими производителями их, совершенно возвратились к типу кроликов». Об этих лепоридах и некоторых других скрещиваниях между близкими видами говорит и Мильн Эдвардс в последнем томе своей большой сравнительной анатомии и физиологии (стр. 300 и 301). «Флуран удостоверился во взаимной плодовитости собаки и шакала до четвертого поколения; у других млекопитающих, родившихся от скрещивания коз и баранов, как и у лепоридов, родившихся от соединения кролика и зайца, способность к воспроизведению продолжается еще долее, но в этих последних случаях, произведения, представляющие вначале смешение характеров, свойственных обоим производителям, становятся все более и более похожими на одного из них, так что тут является возвращение к одному из первобытных зоологических типов, а не произведение промежуточного типа. Про гибриды коз и баранов, называемых *пеллонами*, разведением коих занимаются в Чили, добавлено: «тем не менее, кажется, что плодовитость их сохраняется только в течение небольшого числа поколений».

[*11] Прируч. живот. и возд. раст. I, стр. 183.

[*12] Прируч. живот. и возд. раст. I, стр. 195.

[*13] Прируч. живот. и возд. раст. I, стр. 193.

[*14] Прируч. живот. И возд. Раст. II, стр. 208, 209 и 210.

[*15] Мы видели, что и для растений есть всего только одно действительное исключение.

[*16] Дарв. Прируч. жив. и возд. раст. т. II, стр. 208.

[*17] Ibid, стр. 441.

[*18] Дарв. Прир. жив. и возд. раст. т. II стр. 209.

[*19] Дарв. Прир. жив. и возд. раст. т. II, стр. 210.

[*20] Darw. Orig. of spec. VI ed., p. 262.

диких прародителей. - Неосновательность признания четырех- и шестирядного ячменя и полбы за продукты культуры. - Шарлот, рокамболь, рожь. - Персик. - Невероятность происхождения его от миндаля. - Пушистые и арабские персики. - б) *Косвенные доказательства Дарвина*. - Неверность самого факта недоставления культуре растений странами совершенно некультурными и океаническими островами. - Примеры полезных растений, доставленных островами. - Примеры полезных растений, оставшихся совершенно дикими, как из некультурных, так и из культурных стран. - Обратное принимаемому Дарвином отношение культуры к произведениям страны. - Понятия Дарвина об этом предмете составляют типический образчик его мировоззрения.

Общий вывод о размерах изменений одомашненных организмов. - Они не достигли видового предела. - Это одно лишает уже Дарвиново учение всякой фактической основы. - Заключение от меньшего к большему часто недопустимы с положительной точки зрения. - Примеры ошибочности таких заключений: качания маятника, планетные возмущения, эксцентриситеты, наклонения орбит и осей вращения к эклиптике, температурные изменения. - И в органических видах изменения суть колебания различной амплитуды около постоянных типов или норм.

В этой и в следующей главе нам предстоит определить, во-первых, размер, величину тех отклонений, которые были произведены влиянием культуры в организмах, доставленных человеку природой — предмет настоящей главы; а во-вторых, выяснить и оценить ту степень участия, которую принимали различные факторы в произведении этих изменений, и в особенности разобрань вопрос: имел ли в этом деле так называемый искусственный подбор то преобладающее значение, которое приписывает ему Дарвин — предмет следующей главы.

Очевидно, чтобы судить насколько изменения, замечаемые в организмах, подпавших под влияние человека, могут служить основанием для распространения выводов, полученных из наблюдений над ними, к объяснению бесконечного разнообразия и почти неизмеримого различия, замечаемых в органических формах вообще, необходимо составить себе по возможности, точное понятие о величине, о размерах изменений домашних животных и культурных растений. Но размеры различий между организмами определяются не иначе, как отношением их к различным категориям делений, принятых в зоологической и ботанической систематике. Чтобы определить степень различия, мы говорим: между этими формами существует различие

видовое, родовое, отрядовое и т. д. Хотя такие иерархические степени не строго определены, не то что метры и километры, граммы и килограммы, но, за неимением других, мы должны ими довольствоваться. Итак, наша задача приводится собственно к вопросу: можем ли мы признать, что в каком-либо домашнем животном или культурном растении полученное различие форм достигло видовой степени? Посмотрим, какой ответ дает на этот вопрос сам Дарвин. Относительно тех животных, которых он специально исследовал в этих отношениях и которыми он посвятил наиболее труда и внимания, как на представляющих отклонения и различия наиболее сильные, — именно относительно кур и в особенности голубей — ответ Дарвина собственно двойки. Разбирая отдельные признаки голубиных пород, он говорит: «Я несколько не сомневаюсь, что многие домашние породы полевого голубя отличаются друг от друга по внешним признакам, по крайней мере, столько же, как различные естественные роды». Но сейчас же и прибавляет: «Я несколько не желаю утверждать, что домашние породы отличаются друг от друга по всей своей организации столько же, как и *наиболее отличные естественные роды*. [*1] И в другом месте: «Можно принять за общее правило, что прирученные породы различаются между собой в меньшей степени, чем виды, а если и проявляются более значительные различия, то они не столь постоянны» [*2] (а в постоянстве ведь и главное дело). Однако это замечание, из коих первое делается на той же странице столь высоко добросовестным родоначальником учения, обыкновенно забывается его последователями. Так напр. г.Тимирязев в недавно вышедшем сочинении: «Чарльз Дарвин и его учение», в котором он, по моему мнению, хорошо и точно излагает учение Дарвина в его строгой и правоверной форме говорит: «Словом, различие между породами голубей так резко, что если бы они были найдены в диком состоянии то, без всякого сомнения, были бы отнесены к различным видам; более того, ни один орнитолог не решился бы даже соединить все упомянутые породы в один род». [*3] И ничего больше. Орнитолог этот, скажем от себя, на основании впрочем приведенного замечания самого Дарвина, был бы или очень плохой, или очень невнимательный, или принужденный к очень спешной работе; во всяком случае забывший правило Линнея: *Character non facti genus* — правило, всю силу которого конечно признает и Дарвин. Так в другом своем сочинении он же говорит: «Мы можем понять, почему классификация, основанная на одном характере или органе — будь он даже столь изумительно сложен и важен, как мозг... почти наверно окажется неудовлетворительной». [*4] Но Дарвин смело мог бы пойти далее, заменив последние слова первой цитаты: *Естественные роды* — словами *естественные виды*. В сущности (мы осмеливаемся это утверждать) он держится именно того мнения, что ни куры, ни голуби, не говоря уже о других менее изменившихся животных, не переступили в своих изменениях видового предела. Это видно из того, что по его мнению и куры и голуби не только *произошли от одного дикого вида, но и*

ПРИМЕЧАНИЯ

[*1] Дарв. Прируч. живот. и возд. раст. I, стр. 138.

[*2] Дарв. Прируч. Живот. и возд. раст. I стр. 443.

[*3] Тимирязев. Дарвин и его учение. 1883 г., стр. 64.

[*4] Darw. The descent of man and selection in relation to sex. 1871, I p. 188.

[*5] Прируч. живот. и возд. раст. I, стр. 193.

[*6] Прир. живот. и возд. раст. II, стр. 110.

[*7] Ibid, стр. 111.

[*8] Ibid., стр. 194.

[*9] Quatrefage. L'espece humaine. V ed. 1879, p. 57.

[*10] Прируч. живот. и возд. раст. I, стр. 192 и 194. Этот чрезвычайно неудобный для теории факт, как устанавливают, что бы там ни говорили, весьма резкую грань между видом и разновидностью, было бы конечно приверженцам её весьма желательно устранить, и поэтому всякий случай, указывающий по видимому на безграничное плодородие гибридов принимается ими как факт. Впрочем странно, как мог г. Тимирязев (стр. 74) говорить: «наиболее известная помесь между зайцами и кроликами, разводимая в последнее время во Франции под названием *лепоридов*», когда сам Дарвин признает недостоверность этого факта. «В IV главе 1 тома я с некоторым сомнением говорил о новой породе называемой *leporides*, ... которая будто бы оказалась способной к размножению. В настоящее время положительно утверждают, что это была ошибка» (Прир. жив. и возд. раст. II, 105). Вот что находим мы об этом предмете у Катрефажа в только что приведенном сочинении, стр. 53. «Эта пропорция крови $\frac{3}{8} + \frac{5}{8}$ по видимому очень благоприятна для сохранения гибридных пород, потому что она характеризует знаменитых *лепоридов* . . . Эти гибриды, о коих столько говорилось, сохраняются ли, не представляя явлений *возвращения*? Свидетельства тех, которые проверяли и оспаривали мнения гг. Ру и Гайо, не оставляют на этот счет никакого сомнения. Исидор Жоффруа, веривший сначала их постоянству, и говоривший об этом как о приобретении, не колеблясь признал впо-

- б) Phaseoulus vulgaris 5 и 1, a,b. (фасоль).
- б) растения, которые более отличны от известных диких видов и не могут быть к ним приурочены.
- 7) Amorphophallus Konjak 2 и вероятно в.
- 8) Arracacha esculenta. 2.
- 9) Capsicum annuum. 1 и 5, а, б (стручковый перец).
- 10) Chenopodium Quinoa 5, а, б. (киноа).
- 11) Cucurbita ficifolia 5, а, б. [\[*37\]](#)
- 12) Dioscorea alata 2, д.
- 13) — Batatas. 2, д.
- 14) — sativa. 2, д. (породы не настоящих бататов).
- 15) Eleusin Caracana. 5, а, б, е. (Африканский злак).
- 16) Nephelium Litchi (китайское плодовое дерево).
- 17) Pisum sativum 1, 5, а, б. (горох сахарный).
- 18) Saccharum officinarum 3 (сахарный тростник). [\[*38\]](#)
- 19) Sechium edule, 1, 5, а, б. [\[*39\]](#)
- 20) Trichosantes anguina 1, 5, а, б.
- 21) Zea mais, 1,5 а, б, вероятно и е. (кукуруза). [\[*40\]](#)
- в) Растения, происхождение которых от других видов вероятно.
- 22) Hordeum Hexaltichom. 5, а, б и е. (ячмень шестирядный).
- 23) — vulgare, 5 а, б и е. (ячмень обыкновенный).
- 24) Triticum spelta, 5, а, б и е. (полба).

до сих пор составляют один вид, потому что первый факт он доказывает главным образом не иным чем, как именно последним. В самом деле, в числе этих доказательств он приводит, что «все домашние породы весьма охотно скрещиваются между собою, и, что одинаково важно, помеси их совершенно плодовиты Я допускаю мнение Палласа, что близкие виды, будучи до известной степени бесплодны при скрещивании в диком состоянии, утрачивают это бесплодие, в случае продолжительного приручения; однако, принимая во внимание значительное различие между такими породами, как дутьши, гонцы и пр. мы должны будем сознаться, что их совершенная или усиленная плодовитость при самом сложном скрещивании, составляет сильный аргумент в пользу их происхождения от одного вида». [\[*5\]](#) Без сомнения не только в пользу этого, прибавлю я, а и в пользу того, что и до сих пор они составляют один вид. Ведь, по учению Дарвина, и вообще все виды каждого рода произошли от одного прародительского вида; но это не помешало им разойтись до того, что они перестали быть плодовитыми между собой и поэтому стали наконец самостоятельными видами, а не разновидностями: домашние же породы голубей, несмотря на все их различия не перешли еще той грани, которая, — все равно, считать ли ее, или не считать теоретически за существеннейшую характеристику вида, — тем не менее принадлежит огромному, подавляющему большинству естественных видов, так что исключения из этого правила, хотя и отыскиваются с величайшим тщанием, но почти никогда не находятся. Так и Дарвин говорит: «Что касается бесплодия при скрещивании домашних пород, то в этом отношении мне не известно ни одного положительного случая у животных». [\[*6\]](#) Вслед за сим, по случаю рассказа Юатта об уничтожении через бесплодие породы, происшедшей от смешения длиннорогого и короткорогого скота он прибавляет: «Предполагая даже, что Юатт доказал справедливость рассказанного случая, можно бы предположить, что бесплодие зависело от того, что обе родительские породы произошли от двух коренных различных видов». [\[*7\]](#) Не значит ли это, в применении к голубям, что все изменения и отклонения их достигли только степени породы или разновидностей? В другом месте он напротив того говорит: «Но когда мы выходим из пределов того же вида, свободному скрещиванию препятствует закон бесплодия». [\[*8\]](#) Не значит ли это опять другими словами, что при всей изменчивости, постигшей голубей при их приручении, они все таки не вышли из пределов своего вида? И действительно это бесплодие гибридов можно по праву назвать законом, то есть фактом такой общности, что для животных он не представляет ни единого исключения, а для растений всего на все только одно положительно констатированное: «Ни в одном из предыдущих случаев» (гибридизма между животными и растительными видами, разобранными Катрефажем) «гибридация в какой бы-то ни было степени, говорит он, не произвела ряда индивидуумов, происшедших друг от друга и сохранивших те же характеры. Однако известно одно исключение из этого общего факта. Оно единст-

венное и произошло в растительном царстве, при скрещивании *пшеницы с Aegilops ovata*». Во втором томе моего труда я буду подробно говорить об убудках и помесях, но настоящий случай столь интересен, что приведу теперь же вполне начатую мной цитату: «Гибрид первой крови (т. е. непосредственно происшедший от обоих видов) от этих двух видов происходит иногда в природе, и был сочтен Реквианом (Requien) за вид. Фабр, также встретивший его в полях, усмотрел в этом начало превращения эгилоса в пшеницу. Позже четырехстепенный гибрид, случайно полученный и культивируемый в течение нескольких лет, дал ему потомков, похожих на *ble touselle* в южной Франции (вероятно полба). Это был результат *возвращения*; но Фабр, который не узнал гибридизации, поверил в превращение и полагал, что открыл дикий первообраз пшеницы в эгилосе».

«Напротив того, г. Годрон понял природу явления и доказал это путем опыта. Он скрестил пшеницу с эгилосом и получил первое растение Реквиана, *Aegilops triticoides* Фабра. Он снова скрестил этот гибрид с пшеницей и произвел мнимую *искусственную пшеницу* Монпельерского ботаника. Он назвал его *Aegilops speltaeformis*.

«Эту-то последнюю форму, имеющую 3/4 крови пшеницы и 1/4 эгилоса и культивирует г. Годрон в Нанси с 1857 года. Искусный натуралист, ее произведший, полагает, что у него не было случаев возвращения, каковые оказывались в Монпелье и у Фабра. Но в то же время он объявляет, что только лишь особые и мелочные заботы могут сохранить это искусственное растение. Земля должна быть приготовлена с величайшей тщательностью и каждое зернышко от руки посажено в должном положении. Положенным в землю без старания и брошенные в парник, семена эти никогда не прорастают. Г. Годрон полагает, что *Aegilops speltaeformis* исчез бы совершенно, может быть, в один год, будучи предоставлен самому себе. [*9] Специально относительно голубей Дарвин продолжает: «Аргумент этот» (т. е. что они все между собой плодородно скрещиваются), «становится еще сильнее, когда мы узнаем, что едва ли существует хотя один пример» (а опытов было сделано много — изложением их наполнены два столбца мелкой печати у Дарвина), «чтобы убудки от двух разных видов голубей» (прибавим — по видимому, гораздо менее между собой различных, чем породы домашних голубей) «были плодовые между собой, или со своими чистыми родителями». Но и этого еще мало. «Г.г. Буатар и Корбье утверждают, на основании своей долголетней опытности, что чем различнее скрещенные породы (голубей), тем плодovitее убудки их». [*10]

По совершенно справедливому мнению Дарвина, некоторое различие между родителями усиливает плодovitость их соединения, но только пока раз-

Последнее обстоятельство требует, может быть некоторого разъяснения, тем более что относится к самым важным культурным растениям, между которыми очень много таких, которые в диком состоянии или совершенно уже исчезли, или, во всяком случае, близки к исчезновению — я говорю о злаках. Если бы наши пшеницы, рожь, просо и прочее росли отдельными рассеянными экземплярами, то конечно никому не вошло бы никогда в голову собирать их мелкие семена, для употребления в пищу. Они должны были и в диком состоянии, как на теперешних полях, занимать собой сплошь, или почти сплошь, довольно значительные пространства. Тогда у них срезали, вероятно, только верхушки, колосья или метелки и уносили с собой, употребляя всего вероятнее, разварив в воде в виде каши. Конечно, некоторые колосья при этом оставались, а из других ранее сбора отчасти высыпались семена. Но произраставшие от них немногие растения, переставали уже тем самым быть общественными, и мало-помалу заглашались другими, в особенности многолетними, занимавшими их место.

Что начинал человек, то довершалось борьбой за существование с другими растениями, — соискателями места в природе.

Просмотрим теперь с этих точек зрения список растений, как вовсе в диком состоянии до сих пор не открытых, так и тех, нахождение которых в настоящем диком состоянии сомнительно, по легкости смешения их с одичавшими — по категориям, принятым Декандалем. Чтобы не прописывать всякий раз причин, к которым вероятно может быть отнесено их исчезновение, я после названия каждого растения ставил те цифры и буквы, под которыми перечислены эти вероятные причины и содействующие им условия.

А. Растения ни в диком, ни в одичавшем состоянии не открытые.

а) *но которым, по мнению Декандоля, может быть, надо присоединить к известным уже диким видам, к коим они близки.*

1) *Arachis Hypogaea*. 5, а

2) *Caryophyllus aromatica*. 4. (гвоздичное дерево). [*36]

3) *Convolvulus Batatas* 2. (батат).

4) *Dolichos Lubia* 5.

5) *Manihot utilissima*. 2. (маниок).

чезновению тех вошедших в культуру растений, которым они принадлежали и которые прежде и после возделывания собирались в диком состоянии.

- 1) Съедобность плодов в незрелом состоянии, т.е. раньше, чем семена их получают способность прорасти.
- 2) Съедобность корней, луковиц и т.п. которые выкапываются и тем уничтожается само растение также до созревания
- 3) Употребительность самих стволов или цветорасположений, если срывая или срезая их, тем самым, не допускают до развития семян.
- 4) Употребление цветов, цветочных почек, что, если возможно, еще вреднее, чем самая съедобность незрелых плодов.
- 5) Съедобность семян, или такое употребление их, при котором уничтожается их способность прорасти.

Все эти невыгодные для сохранения культурных растений свойства усиливаются следующими условиями:

- а) Однолетностью растения (конечно, когда вырывается корень растения, то это становится безразличным).
- б) Размножаемостью одними только семенами, а и не другими способами совместно с семенами, как напр. отделяющимися клубнями, как у картофеля, орхидных, *Ranunculus Ficaria*, или усами, как у земляники.
- в) Ограниченностью первоначального отечества.
- г) Исключительностью местонахождения или почвы, на которой растет растение, как мы видели в примере поленики.
- д) Двудомностью растения, ибо если случится, что оставшиеся невыкопанными, несрезанными растения — мужские, то они плодов дать не могут, а если и женские, но мужские кругом уничтожены, то их оплодотворение затрудняется так, что вообще, и для оставшихся растений, шансы семенного размножения уменьшатся в несколько раз.
- е) Произрастанием сплошными обществами, а не рассеянными отдельными экземплярами.

личие это находится на степени разновидностной, породовой; когда же оно усиливается до степени видовой, то, как всем известно, плодовитость эта исчезает. Приведем еще цитату собственно о скрещивании домашних голубей с вяхирем (*Columba oenas*). «Однако он скрещивается охотно с настоящими полевыми голубями — потомки этого скрещивания бесплодные гибриды». [*11]

Из всего этого с очевидной ясностью следует, что видовое различие предполагает такую степень различия организации, при которой — будет ли то по закону соответственности роста (*correlation of growth*), или по закону соподчинения признаков Кювье, или по какой бы-то ни было иной причине, — воспроизводительная система оказывается настолько обособленной, специализированной, что уже не может производить плодородного потомства с другими видами. А так как это именно и замечается у пород домашних голубей (а у прочих прирученных организмов и подавно), то это значит, что они не только произошли от одного дикого вида, но и по сей день, несмотря на все изменения и отклонения от типа, *продолжают составлять один вид*.

Но признаки плодовитости и бесплодия суть не единственные, приводимые Дарвином в пользу происхождения домашних голубей от одного вида, а по точному смыслу его доказательств и в пользу принадлежности и ныне к одному виду. Вот еще весьма замечательное место: «За исключением известных характеристических различий, главные породы во всех отношениях чрезвычайно схожи между собой и с *Columba livia*». Сходства эти перечисляются, и Дарвин затем продолжает: «В тех породах, которые отличаются каким-либо замечательным отклонением в строении, как напр., трубастые — хвостом, дутыши — зобом и проч., другие части остаются почти неизменными. Всякий натуралист конечно знает, что едва ли возможно подобрать, в каком бы-то ни было семействе, дюжину естественных видов, которые, сходясь между собой по привычкам и по общему строению, отличались бы весьма значительно только немногими признаками». [*12] В этом несомненно и заключается смысл того афоризма, который выразил Линней своим лапидарным слогом: «*Character non facit genus*» — *non facit speciem, familiam ordinem*, конечно с таким же правом можно бы прибавить. В самом деле, что такое *character* — признак? Это ярлык, это этикетка, по которым мы распознаем формы, которые обозначают то, что более бросается в глаза, или что легче выразить словами, по возможности краткой фразой. Ярлык может однако ведь быть и неверно привешен, т.е. не обозначать существенно различного в органической форме — такого, что заслуживало бы название вида, различного от других по всему существу своему. Но это различие весьма трудно поддается определению, трудно выразимо словами, почему и приходится часто довольствоваться ярлыком, т.е. характером,

признаками; хотя никогда не должно привешивать ярлыки, т.е. придавать признаку видовое (родовое и пр.) значение, если нет этих существенных, хотя и трудно уловимых словами различий. Например, всякий, вовсе не будучи зоологом, увидав совершенно для него новую, и очень уклоняющуюся от всех виденных им пород, собаку, напр. голую американскую, или кривоногую таксу, с первого взгляда скажет: — это собака; а увидав лисицу, хотя бы и прирученную, не назовет ее так. Между тем по описательной фразе различие между лисицей и похожей на нее собакой будет казаться гораздо меньшим, чем, по такому же описанию, между бульдогом и левреткой.

Дарвин объясняет только что приведенные его слова о единичности, отдельности изменений так: «Факт этот объясняется действием естественного подбора, в силу которого каждое последовательное изменение строения во всяком естественном виде сохраняется только потому, что оно полезно, а накопление подобных изменений *производит большую перемену в привычках*, которая в свою очередь ведет к другим изменениям строения во всем организме». [*13] Признаюсь, я этого объяснения с Дарвиновой точки зрения не понимаю, или лучше сказать нахожу, что оно вовсе из его учения не вытекает. В самом деле, полезное изменение может ограничиваться одним органом и накапливаться все в одном и том же направлении, и вовсе не влечь за собой перемен в образе жизни. Затем самое изменение привычек, как таковое, вовсе не ведет к другим изменениям. По теории Ламарка это было бы так, но не по Дарвину. Изменения происходят независимо от внешних условий, сами по себе, и только сохраняются, если к ним приложены; в противном же случае исчезают; но могут и не появиться, ибо нет необходимости, чтобы организмы находились в абсолютной идеальной гармонии с условиями среды, — по Дарвину достаточно, если между ними (т. е. организмом и средой) устанавливается сносный *modus vivendi*.

Но общими выражениями легко все объяснить. Возьмем конкретный пример. Пусть какой-нибудь одногорбый верблюд получить зачаток другого горба (допустив, что прародитель обоих верблюдов был одногорбый; если же принять, что это было наоборот, или что прародитель был вовсе безгорбый — для нашей цели это будет совершенно безразлично), и пусть это изменение оказывается почему-либо для него полезным, напр., в том отношении, что увеличивает запас жира, который поддерживает животное в его странствованиях по пустыне, при бескормице. Тогда этот признак будет постепенно развиваться под влиянием подбора и наконец произойдет новый вид — верблюд двугорбый, который также будет жить в пустынях, как и первый, только почему-то в более холодных. Если бы затем его шерсть сделалась гуще, или ступни обросли твердыми копытами, что помогало бы ему

как приготовляемые из них варенье и наливка очень ценятся, и растение уничтожается очень быстро и становится уже редкостью; хотя удобных для роста его местностей еще очень много, но оно почти лишено возможности размножаться, хотя и многолетнее, ибо, пропадая от разных случайностей, уже в очень слабой степени заменяется вновь прорастающим из семян. С земляникой этого, даже в гораздо более населенных местах, не случается, хотя и её ягоды собираются постоянно и в большом количестве, потому что она размножается не только семенами, но еще и усами.

Влияние сбора ягод на уменьшение размножения растений, если при этом семена почему-либо делаются негодными к прорастанию, или просто удаляются из местности, еще яснее покажет следующий пример. На южном берегу Крыма, для уничтожения занесенной туда филлоксерной заразы, было уничтожено более 25 десятин виноградников и много кустов дикого или одичавшего винограда. В одной местности, близ зараженного виноградника, этот дикий виноград рос в таком изобилии, перепутывая своими вьющимися стволами целый участок леса, что для уничтожения могущих в нем заключаться центров заразы, пришлось весь этот участок, пространством около десятины, уничтожить сплошь глубокой до полусажени и более перекопкой и тщательным извлечением корней и корешков. Это было сделано зимой. На следующее лето весь этот перекопанный кусок покрылся тысячами молодых виноградных сеянцев, которые надо было вырывать, чтобы виноград снова не занял всего этого пространства. Между тем, на двадцати пяти десятинах уничтоженного культурного винограда таких сеянцев, или вовсе не попадалось, или так редко, что много, много если всего набралось с десяток. Дикий виноград не собирается, а, или падает на землю дозревши, или поедается птицами, которые всегда более обобьют ягод, чем съедят. Как только почва была разрыхлена перекопкой и состязавшиеся с виноградом разные травы были устранены, семена проросли и виноград готов был завладеть всем участком. Напротив того на культурных виноградниках весь виноград собирается для вина и если частью и съедается на месте, то срезчики и другие рабочие едят ягоды вместе с кожицей и семенами, а более деликатные в этом отношении люди, когда сорвут кисть съедают ее обыкновенно гуляя по дорожкам, или вне виноградника. Семян на почву здесь поэтому совсем почти не попадает. Если, следовательно, нечто подобное случалось бы с диким растением, и оно не было бы подобно винограду древесным, долго живущим растением, то это конечно должно бы было послужить сначала к уменьшению его размножения, а через это и к совершенному уничтожению, при борьбе за существование.

Перечислим теперь те свойства, которые, на основании только что изложенного, должны были приводить к более или менее быстрому и полному ис-

то, как только человек начнет отыскивать огурцы для употребления в пищу, растение должно мало-помалу исчезать. Конечно, можно рассчитывать, что некоторым огурцам всегда удастся избежать этих поисков и достигнуть зрелости; но при ничтожности количества тех, которым удастся высеяться и прорасти, есть все шансы на то, чтобы эти немногие были заглушены другими растениями, т. е. шансы на поражение их в борьбе за существование после того, как они лишились главного орудия для этой борьбы — оболочки семян. Мне возразят на это, что именно огурцы однако же сохранились под формой *Cucumis Hardwickii* Royle, признаваемой Декандром тождественной с настоящим огурцом. Но сохранилась ведь, во всяком случае, горькая, т. е. несъедобная разновидность. Предположить, что все дикие огурцы были горьки и сделались сладкими только в культуре невозможно, ибо при этом они никогда бы в культуру и не вошли. Но если горькая природная разновидность росла отдельно от сладкой, как это часто бывает с разновидностями, то последняя могла быть уничтожена тем путем, который я указал, а первая сохраниться. Правда, что подобного не случилось с арбузами, но у них и горькие и сладкие растут совместно, а по наружным признакам (как и огурцы впрочем) неотличимы; а главное арбузы в незрелом состоянии не съедобны, или, по крайней мере, преимущественно съедобны зрелые. Таким образом, сладкие огурцы, исчезнув в природе, сохранились в культуре не иначе, как через посредство таких старых разумных дикарей, как предполагаемый Дарвином.

Прежде, чем рассматривать, на какие растения указываемая мной причина уничтожения диких видов могла оказать свое влияние, и какие условия ему содействуют и препятствуют, приведем положительные примеры, как съедобность плодов, при некоторых обстоятельствах, может вести к ослаблению размножаемости растения, а, следовательно, и к постепенному его исчезновению.

Поленика (*Rubus arcticus* L.) распространена сравнительно узкой полосой по Швеции, Норвегии, северной Европейской России и Сибири, на юг не идет дальше Ярославской и Новгородской губерний, а в средней части Архангельской она уже неизвестна как ягода. Кроме этого, местности, на которых она растет, довольно исключительны — это преимущественно кочки с торфяной и вересковой землей, на сырых лугах в перелесках. Сырая почва лугов доставляет им постоянно достаточно влажности, а кочки с легкой, свободно пропускающей влагу, землей, как бы постоянно дренированы. Растение это многолетнее, но не имеет ни усов (подобно землянике), ни вообще никаких других способов размножения, кроме семян. В тех местностях, которые уже довольно заселены, как напр., западные уезды Вологодской губернии, ягоды поленики собираются с большой тщательностью, так

отыскивать пищу под снегом тебеневкой, как делают киргизские лошади, мы бы сказали — да! Действительно! эти новые признаки зависели от перемены в образе жизни, обусловленной в свой очередь нарастанием второго горба (хотя собственно и оставалось бы непонятным, почему второй горб заставляет жить в более холодных странах. Но этой связи могло ведь и не быть, а второй горб мог произойти например оттого, что такое изменение в горбах, сначала в слабой степени, как индивидуальное изменение, выпало прямо на долю индивидуума, жившего уже у озера Лоб-Нор, а не в Аравии или в Африке. Ведь для индивидуальных изменений, в буквальном смысле, закон не писан — в одном месте случилось, в другом нет, да и все тут. Но в этом случае густота шерсти, изменение в копытах не явилось бы уже результатом появления второго горба, ни прямо, ни косвенно через изменение привычек. Но дело все еще не в этом. Мы знаем, что у дромадера во время течки, то выпускается изо рта, то вытягивается перепончатый пузырь, а у двугорбого верблюда такого пузыря нет; у дромадера есть миндалевидная косточка между отверстиями в грудобрюшной преграде для прохода нижней полой вены и пищевода; а у двугорбого верблюда вместо этой косточки есть маленькое костяное кольцо, окружающее отверстие, через которое проходит полая вена. Я спрашиваю, вследствие какой перемены в привычках, происшедшей от нарастания второго горба, произошли означенные изменения в организме, или если угодно наоборот — вследствие какой перемены в привычках, происшедшей от потери пузыря или замены миндалевидной кости кольцеобразной, произошли перемены организма, произведшие второй горб? Очевидно, что вопрос, поставленный применительно к верблюду, мог бы быть точно также сделан применительно к каждому животному и к каждому растению. Да и у верблюдов есть много других черт организации, которые могли бы составить предмет подобных же вопросов, и все они показывают, что изменена, или лучше сказать различна в значительной степени вся организация, что и делает из верблюдов два настоящих вида, для которых один и два горба составляют только *character* или по нашему ярлык. Не менее несомненно и то, что ни на один из этих или подобных вопросов не может отвечать ни один Дарвинист в смысле вышеприведенной цитаты, которая следовательно остается не более, как общей фразой.

Конечно у Дарвинистов остается ресурс (о котором уже подробно говорилось во II главе) — это «соответственность роста», который или имеет очень малое значение, или уничтожает всю теорию. (см. стр. 166 и след.). Но теперь этот принцип ответственности роста или развития важен для нас в другом отношении. Я не имею ни малейших оснований оспаривать этого рода связь (совершенно впрочем антидарвинистическую), предположенную между числом горбов с одной стороны и пузырем и формой косточек с другой, ибо я, — впрочем как и все ученые и неученые, — ровно ни-

чего об этом не знаю. Но, однако же, не смотря на это мое незнание, считаю себя в праве заметить, что если уже прибегать к этой *ultima ratio*, к соответственности роста, то я не вижу, почему бы с укорочением клюва у коротколицых турманов, или с удлинением его у Неймейстера гонца, или с увеличением числа рулевых перьев у трубастого, или с развитием зоба у дутышей, не произошло бы подобных же изменений и во всем строении означенных голубей, что обратило бы их в настоящие виды. Я понимаю, что голуби, несмотря на изменения, происшедшие в организации, не могут изменить своего образа жизни и привычек, и следовательно признаю, что у них не могло появиться тех изменений организма (по крайней мере, что они не могли фиксироваться, если бы и появились), которые должны бы считаться последствиями изменения привычек; но так как этой переменной привычек в большинстве случаев не объясняются и те изменения в организмах диких видов, (как видно из примера верблюдов), которые сопровождают отклонения действительно полезные, почему, собственно, и приходится прибегать к соответственности роста: то для последней совершенно безразлично – произошло ли изменение, влекущее за собой ряд других изменений, путем естественного, или путем искусственного подбора. Дело очевидно лишь в том, чтобы оно произошло, а раз происшедши, должно уже одинаково или не влечь за собой других изменений, или влечь как значительные, так и незначительные изменения, находящиеся с ним в этой таинственной связи, в обоих случаях, т.е. и при естественном, и при искусственном подборе, следовательно, видовая степень различия могла бы произойти в обоих случаях.

Разбираемое замечание Дарвина имеет, во всяком случае, тот смысл, что, как бы ни были велики изменения, достигаемые путем искусственного подбора, они никогда не могут выйти из границ вида, потому что, по сущности этого подбора, ограничиваются отдельными признаками, а не изменяют всего организма, и следовательно, относительно животных, по крайней мере, даже наиболее изменившихся в домашнем состоянии, как куры и голуби – факт, что эти изменения не достигают видовой границы, не только доказан, но даже самим Дарвином признан. Вкратце собственный вывод Дарвина относительно пород домашних голубей, кажется мне, мог бы быть сформулирован так: Все они происходят от одного дикого вида, потому что и до сих пор продолжают составлять один вид, несмотря на отклонения в некоторых признаках, которые, будучи взяты в отдельности, могли бы заставить предположить между ними даже родовое различие.

Затруднения для теории, фактическим основанием которой должны служить изменения в домашних животных и возделываемых растениях, происходящие из того, что, несмотря на кажущуюся значительность этих изменений, они не достигают видового предела по главному его критерию, -

ний. Да к чему брать примеры диких. Разве теперь еще не продолжается то же самое. Орехи, различные фруктовые деревья — груши, яблони, в особенности кизил, растут везде по садам Крыма, а между тем всякий урожайный на дикие фрукты год татары собирают дикие орехи и фрукты в огромных количествах. Собираение диких груш составляет целый промысел в губерниях Харьковской и Полтавской, несмотря на то, что у крестьян ведь есть сады; не везде ли собирается дикая земляника, малина и смородина, где они растут, несмотря на разведение их в садах? Правда, собирание этих плодов не ведет к исчезновению приносящих их деревьев и кустарников; но ведь это совершенно побочное и случайное обстоятельство, и если бы собирание вело к этому результату, оно, тем не менее, производилось бы.

Единственной причиной, могущей вести к уничтожению вида в известной стране, вследствие деятельности человека, признается лишь изменение в характере местности, производимое им: так напр. с вырубкой лесов, или с осушением болот могут и должны пропасть лесные и болотные растения. Но есть еще и другие условия, которые обыкновенно упускаются из вида, но которые в несколько продолжительный период могут вести к такому же результату относительно многих растений, при некоторых особенностях тех качеств, которыми они именно полезны человеку. Тем более странно, что на это не обращено внимания, что обстоятельство, о котором я намерен говорить, совершенно в духе Дарвинова учения в том, что оно заключает в себе верного и справедливого. Представим себе, что какое-либо растение приобрело вредное для себя свойство, или, если угодно, произошла такая перемена внешних условий, вследствие которой некоторые свойства растений стали для него вредными. Очевидно, что это должно будет повести к постепенной гибели этого растения. Но относительно многих из культурных растений это именно и произошло самым несомненным образом, но только с того времени как в той местности, где они росли, появился человек, но даже некоторые млекопитающие и птицы. Вообще съедобность плодов может считаться выгодным для растений условием, потому что это есть одно из средств рассеяния семян, тем ли что птицы, например, съедая одни плоды, разбрасывают множество других; или тем что, проглотив семена, разносят их, а прохождение семян через их кишечный канал большей частью еще облегчает и ускоряет их прорастание. Но если плод съедобен и даже преимущественно съедобен в незрелом состоянии, то, очевидно, что это составит чрезвычайно вредное для растения условие, которое может повести к совершенному его уничтожению, особливо если вмешается в дело человек. В таком именно положении находятся многие бобовые и тыквенные растения, например огурцы. Их съедают и человек, и даже млекопитающие животные почти всегда в незрелом состоянии; а так как эти растения однолетние, не имеющие других способов размножения кроме семян,

16) *Triticum monocosmum L.*, *однозерная полба* найдена Г. Панчицем дико в Сербии, а также в Греции под именем, *Tril. Vaeoticum* и прежде в 1854 году найдена была на горе Сипиле в Малой Азии, Г. Баланзой, который ошибочно принял ее за обыкновенную пшеницу.

Итак, всего шестнадцать культурных растений, которые были или совершенно вновь открыты со времени выхода в свет Ботанической Географии Декандоля, или нахождение которых в диком виде прежде сомнительное, было подтверждено положительным образом. Очевидно, нет оснований отчаиваться отыскать со временем и еще большее число этих видов.

Нам следовало бы теперь еще рассмотреть специально некоторые из растений, отечество которых вовсе не найдено, или сомнительно, чтобы убедиться насколько вероятна гипотеза, что это ненахождение их в диком состоянии зависит от того, что культура настолько изменила их потомков, что мы уже не распознаем их первоначальной видовой тождественности. Но прежде разберем второе предположение Дарвина, по которому действительное исчезновение диких предков многих культурных растений должно считаться невероятным.

2) Второе из прямых доказательств или соображений Дарвина заключается в мнении, что предки культурных растений, не встречаемых более в диком состоянии, не могли однако же совершенно погибнуть. Относительно этого он выражается так: «Эти затруднения могли бы устраниться еще предположением, что по мере распространения цивилизации дикие экземпляры постепенно истреблены рукой человека. Но Декандоль доказал, что этого по всей вероятности не случилось. Как только в данной местности какое-либо растение делалось предметом культуры, какая надобность была полудиким обитателям этой местности разыскивать по полям отдельные экземпляры и таким образом истреблять растение в диком состоянии, и даже если бы такая надобность случилась в голодный год, все-таки в почве уцелели бы хоть замерзшие семена». [*34]

Едва ли нужно доказывать, что изложенное соображение Дарвина не выдерживает критики. Культура могла начаться и даже должна была начаться с очень слабых, опытов, как Дарвин сам говорит: «Какой-нибудь необыкновенно роскошный и крупный экземпляр туземного растения мог попасться на глаза какому-нибудь разумному старому дикарю; он его заметит, пересадит, или соберет семена и посеет их». [*35] Затем его семейство, или немногие из его соотечественников начнут подражать его примеру, и в таких тесных размерах эта полукультура может длиться десятки и сотни лет; а главное добывание растительной пищи все продолжаться на счет диких расте-

хорошо понимались самим Дарвином, и он старается выпутаться из них при помощи разных соображений, [*14] но как мне кажется, совершенно неудачно, ибо впадает в несогласимые противоречия. Пусть судит читатель. Изложив в нескольких, специально посвященных этому предмету, главах, огромное число фактов по скрещиванию видов и разновидностей, он говорит: «Приступаем наконец к предмету, подлежащему теперь нашему непосредственному разбору. Каким образом случается, что собаки, куры, голуби, некоторые фруктовые деревья, овощи и вообще, за несколькими исключениями в случае растений, [*15] все одомашненные разновидности, которые различаются между собой по внешним признакам гораздо больше, чем некоторые виды, вполне и даже иногда излишне плодовиты при скрещиваниях; тогда как близко родственные виды почти неизменно бывают более или менее бесплодны»? Из этих слов мы видим, что факт этот очень затруднял Дарвина, и вот что он приводит в его объяснение: «Оставляя в стороне тот факт, что количество внешних различий между двумя видами не составляет верного указания на степень их взаимного бесплодия и следовательно, и в случае одомашненных разновидностей, подобные различия не составляли бы верного указателя; мы знаем, что эта причина бесплодия у видов *зависит единственно от различия в их половом сложении*». Да, первая половина этого предложения безусловно справедлива и ее-то нельзя оставлять в стороне, ибо в ней и заключается настоящее, единственно возможное объяснение факта. Но каков её смысл? Смысл опять тот же, что *character non facit genus* (*speciem* и пр.), т. е. что все эти большие по видимому различия, в отдельности взятые, не составляют еще видового различия, если не влекут за собой соответственного различия во всей организации, а в том числе и в половом сложении. В том и дело, что вид, или вообще органическая форма — не мозаика, или точнее не калейдоскопная фигура, какой она является у Дарвина, т. е. она не случайное сочетание признаков, возникающих из случайных индивидуальных особенностей, а затем накапливаемых и сохраняемых опять таки по их случайной ответственности внешним условиям. Эту калейдоскопичность Дарвин старается, или точнее принуждается несколько исправить тем, что называет соответствием роста, но по требованиям своей теории отмежевывает ей самое ничтожное место; а должное место, т. е. место связующего весь организм начала, получает она только тогда, когда обратится в Кювьеровское *subordination des organes*, вместе с чем, как мы уже и выше заметили, конечно должно рушиться и все Дарвиново учение. Встречаются например шестипалые люди, но это конечно не мешает им быть плодовитыми с обыкновенными пятипальными, но потому только, что эта шестипалость есть случайно появившийся признак, никакой за собой перемены в целом организме (в том числе и в половом сложении) не влекущий, поэтому этот признак, характер и не составляет в этом случае видового ярлыка. Но будь эта шестипалость нормальной — весь организм был бы до того изменен, что эти шестипалые существа составляли бы не только

отдельный вид, но особый отряд, или скорее класс (ибо у всех известных форм позвоночных, имеющих настоящие пальцы, они не превосходят числа пяти), а тогда уже и речи конечно не могло бы быть о взаимной плодовитости их с людьми.

Странно выражение: *причина бесплодия зависит единственно от различия в половом сложении* — С одной стороны это не более как трюизм. Конечно половые явления зависят и от организации половой системы, точно также как явления питания от строения системы питательных органов. Если одно животное питается травой, а другое мясом, то это оттого, что так у них устроены и зубы, и желудок, и кишечный канал, и находящиеся с ними в связи железки. Но если известным образом устроена система органов питания, то соответственно им устроены и органы движения и органы чувств; одним словом вся организация в целом без малейшего исключения. Тут это очевидно, но не менее достоверно и то, что несомненная для системы питательных органов связь со всем организмом, — столь же несомненна, хотя и не столь очевидна, и для строения половой системы: и она в каждом существе находится в столь же тесной и необходимой связи со всем организмом. Но если организм не мозаика, не калейдоскопическая фигура, то с другой стороны он и не механический прибор. В механическом приборе, напр., в часах, каждый винтик, колесо, зубчик так прибраны и прилажены, что малейшая в них порча или изменение останавливает правильный их ход, совершенно нарушает деятельность прибора. В организме не так, — он обладает более широким простором. В нем могут происходить отдельные изменения и довольно значительные, под влиянием различных обстоятельств, и не влечь за собой общего расстройств в его функциях. *Character non fecit genus*: — и потому в домашних животных и возделываемых растениях многое могло измениться, но не повлекло за собой общей перемены в строении этих животных и растений, и они остались теми же видами, несмотря на внешние весьма важные по видимому различия, не потеряли способности к взаимному оплодотворению. В этом и заключается единственно возможное и разумное объяснение факта, и оставлять его в стороне, нельзя, ибо кроме, него никакого другого объяснения и нет.

Пойдем далее. «Если мы допустим теорию Палласа об уничтожении бесплодия» (надо бы сказать вместо уничтожения — ослабления) «посредством одомашнения, а мы едва ли можем отвергнуть ее, то станет в высшей степени невероятным, что одни и те же обстоятельства могли одновременно и вызывать и уничтожать ту же самую склонность», [*16] или как в другом месте Дарвин еще определеннее выражается: «Отсюда (т. е. из принимаемого Дарвином Палласова мнения) нелогично было бы ожидать, чтобы породы, произведенные в состоянии приручения, приобрели бы это

7) *Morus nigra L. шелковица* с черными ягодами — Чихачев и Кох находили в диких и высоких местах Армении. Я сам видел старые экземпляры на Мангншлакском полуострове близ Ново-Петровска (ныне Ново-Александровское укрепление) — местности, куда конечно никакая культура не могла их занести.

8) *Anano squamosa, коричное яблоко*. После многих сомнений относительно настоящего отечества этого тропического плодового дерева, оно было найдено садоводом Мак-Набом на сухих равнинах Ямайки и в густых лесах островов Св. Креста и Девы (St. Croix and Virgin Islands).

9) *Anona Cherimolia Lam.* Отечество, сомнительное в 1855 году, определено открытием г. Эд. Андре, который нашел это дерево в одной долине Юго-Зап. части республики Эквадор.

10) *Hibiscus esculentus L., Бамия*, употребительная на Востоке, отчасти и в Крыму — огородный овощ. Найдена Швейнфуртом и Ашерсоном в Нубии, Кордофане, Сенааре, Абиссинии и по Бар-эль-Абиаду.

11) *Citrullus vulgaris Schid, арбуз*. Происхождение было сомнительно, пока его не нашли по обе стороны экватора в тропической Африке, где Ливингстон видел обширные пространства им покрытые. Они бывают сладкие и горькие, ничем не обнаруживая этого снаружи.

12) *Cucumis sativus L, огурец*. В 1855 году происхождение огурца было еще неизвестно, но у подошвы Гималая найден был дикий огурец, названный *C. Hardwickii Royle*, который оказался тождественным с культурным огурцом, отличаясь от него только горьким вкусом, что не имеет никакого значения, так как и в наших посевных огурцах часто встречаются горькие.

13) *Phaseolus lunatus L.* найден в Приамазонских странах центральной Бразилии.

14) *Glycine subterranea L. fil., вандзу*, овощ, сорт бобов употребительных в тропических странах. Отечество оставалось долго неизвестным, пока Швейнфурт и Ашерсон не нашли его в диком состоянии у берегов Нила от Хартума до Гондокоро.

15) *Polygonum Fagopyrum L., гречиха обыкновенная* найдена академиком Максимовичем по берегам Амура и еще прежде в Даурии и у Байкала, а также в горах северной Индии.

сто нахождения, и чтобы были изданы многие флоры стран ныне плохо известных, и хорошие монографии некоторых родов, основанные на признаках, подверженных наименьшему изменению культурой». [*33] Но еще важнее для нас другой вывод, который сам Декандоль делает из своих исследований, именно, что это нахождение в диком состоянии культурных растений вовсе не находится в соответствии или в связи с давностью их культуры. Так из 67 растений, культура которых моложе 2000 лет, 56 известны в диком состоянии, т. е. 83%; но из 49 растений, культура которых в старом свете старше 4000 лет, а в новом свете продолжается уже вероятно от 3000 до 4000 лет — найдено 40 в диком состоянии, т. е. опять 82%.

После этих общих соображений представим список главнейших культурных растений, отечество коих считалось неизвестным за с небольшим 25 лет тому назад, но которые в последнее время были найдены в диком состоянии.

- 1) *Helianthus tuberosus* L. Земляная груша — в штате Индиана.
- 2) *Allium* Сера лук обыкновенный. Стокес нашел его в Белуджистане диким на Чегил-Туне, Грифит привез его из Афганистана, а Томсон из Лагора. Буасье имеет дикий образчик из гористых мест Хоросана, Гегель-сын нашел его к югу от Кульджи.
- 3) *Allium fistulosum* L. дикий, считавшийся долго неизвестным, найден русскими ботаниками в Алтае, у Байкала и в киргизских степях.
- 4) *Scandix Cerefolium* L. Происхождением этого маленького зонтичного наших огородов еще недавно было неизвестно. Стевен указывает его в лесах Крыма, а Буасье получил несколько экземпляров из южной части Закавказья, из страны туркменов и с гор северной Персии.
- 5) *Cichorium Endivia* L. салатный цикорий, оказался тождественным с *C. Pumilum* Jacq. до того, что Декандоль считает должным заменить это последнее название первым, как более старым. Растет дико во всей области Средиземного моря до Палестины, Кавказа и Туркестана.
- 6) *Nicotiana Tabacum* L., табак настоящий. Эдуард Андре собрал в республике Эквадор у Св. Николая на западном склоне вулкана Каразона в девственном лесу, вдали от всякого жилища экземпляры, которые сообщил Декандоль и которые оказались несомненно принадлежащими к этому виду, и ростом почт до 1 1/4 сажени.

свойство бесплодия, между тем как приручение уничтожает (опять надо бы сказать ослабляет) его у естественных видов». [*17] Во-первых, это игра слов: «одни и те же обстоятельства». Но ведь обстоятельство, составляющих одомашнение и притом не только просто одомашнение, но еще и причину тех значительных изменений, которые произошли в некоторых одомашненных организмах (чего простое одомашнение еще вовсе не предполагает, как показывают примеры гусей и пр.) — очень много — и одни из них могут ослаблять, а другие (именно те, которые произвели изменения) — вызывать ту же самую склонность к бесплодию. Одомашнение, т. е. доставление разных удобств, усиление питания, лучшая почва (Паллас имел ввиду собственно растения устранение неблагоприятных влияний может, допустим, в известной степени ослаблять бесплодие между естественными видами. Но к одомашнению присоединяется подбор, сохраняющий и накапливающий случающиеся изменения до степени повидимому равной видовому различию; почему же нелогично бы было принять, что это, хотя и при одомашнении происходящее, но, однако же, совершенно отличное от непосредственного его влияния, обстоятельство, повлечет за собой бесплодие, если изменение для сего достаточно? Во-вторых, как же это согласить со сказанным в первом томе: «Я допускаю мнение Палласа..., однако, принимая в внимание значительное различие между породами (голубей), мы должны будем сознаться, что их совершенная плодовитость составляет сильный аргумент в пользу их происхождения от одного вида» ..? Почему влияние одомашнения не могло бы и тут ослабить или, как г. Дарвин говорит, уничтожить бесплодие между этими несколькими предполагаемыми дикими видами, как оно уничтожает же его между производными формами, достигшими видового различия, или даже превзошедшими его? Если справедливо сказанное во втором томе, то сильнейшее доказательство того, что голуби произошли от одного вида, обращается в ничто, ибо с одомашнением и разные виды могли бы потерять свое бесплодие. Если же различие между ними было бы столь велико, что, несмотря на одомашнение (так как Палласово мнение относится только к очень близким видам) они все-таки не могли бы потерять своего бесплодия (что, по-видимому, по цитате из первого тома, Дарвин собственно и полагал); то, приобретя эти важные различия, они должны бы были приобрести и бесплодие, и в таком только случае сравнились бы в степени своего органического различия с настоящими видами. В самом деле, ведь рассуждение Дарвина имеет следующий смысл: Породы голубой столь различны, что ежели бы эти различия составляли принадлежность самостоятельных диких видов (от которых будто бы они произошли), то, несмотря на некоторое ослабление бесплодия при одомашнении, — ослабления этого оказалось бы недостаточно, и одомашненные потомки их все-таки должны бы остаться между собой бесплодными. Между тем они не бесплодны, потому что эти различия приобрели уже впоследствии, а происходят они первоначально все-таки от одного вида. Следовательно, говорю я,

эти приобретенные впоследствии различия не равняются тем первоначальным различиям, которые необходимо бы было предположить в коренных видах, от коих они могли бы произойти. Следовательно, продолжая я, эти различия суть только призрачные, случайные, сравнительно ничтожные, а не существенные, и именно потому призрачные, случайные, сравнительно ничтожные, что не повлекли за собой изменений во всем организме, а в том числе и в половом сложении, и наконец, еще раз следовательно,— все эти изменения не достигли видовой ступени.

Но справедлив ли, или правильнее, имеет ли общее значение факт, что одомашнение ослабляет бесплодие между видами? Общего значения этот факт, конечно, не имеет; иногда это так, а иногда совершенно наоборот. На тех же страницах Дарвин говорит: «Мы знаем, как часто дикие животные и растения становятся бесплодными в неволе». Как общеизвестный пример можно привести слонов. Неверно также и то положение Дарвина, что «условия, которым подвергались одомашненные животные и возделываемые растения, не вели к таким изменениям воспроизводительной системы, следствием которых бывает уменьшение плодовитости». Некоторые из этих условий, особенно у растений, очень часто именно к этому и ведут: таково чрезмерное усиление питания. Всем известно, что махровость происходит, главным образом, от излишка питания, а махровость есть бесплодие, или, по крайней мере, значительное ослабление плодовитости. Образование бессемянных плодов есть тоже бесплодие, а в культуре таких много известно: груша бессемянка, мушмула без косточек, виноград кишмиш и коринка.

Но, оставляя в стороне эти исключительные факты, какому садовнику неизвестно, что сильное удобрение, усиливая и ускоряя рост плодовых деревьев, замедляет время их цветения и плодоношения и даже уменьшает количество плодов? Я читал в *Garden Chronicle*, но, к сожалению, не могу теперь цитировать года и №, что один садовник хотел выкопать яблоню, в течение многих лет не приносившую плода. Начавши выкопку, причем обрубил уже кругом корни, одумался и решил еще на время её оставить; на следующий год яблоня дала обильный урожай и затем давала постоянно плоды. Обрубкой корней он, конечно, уменьшил её питание. Впрочем, это факт слишком известный, чтобы нужно было его подтверждать специальными цитатами. У себя в саду я сделал то же самое не над одной, а над тридцатью с лишком сливами, и через год они мне принесли небывалый урожай, тогда как прежде только обильно цвели, но плодов не завязывали. Чтобы получить скорее плоды от сеянцев и скорее узнать качество плодов, могущих образовать новую ценную разновидность, пересаживают их два и три раза и получают плоды, уже на седьмой или даже на шестой год, как, например Ван-Монс, занимавшийся в течение всей своей жизни производением новых сортов

другой стороны авторы, упоминавшие о туберозе в Индии, считают ее там культурной. Лурейро говорит, что она растет лишь в садах Кохинхины; Румфий, что на Амбонну она привезена голландцами из Батавии в 1674 г., но Камель дополняет, это известием, что тубероза привезена испанцами на Люсон из Мексики. В Мексике имеет она и местное туземное название *оми-зохитль*.

Основываясь на сочинении Альфонса Декандоля *Geographie botanique raisonnee*, 1855, Дарвин делает следующие выводы: «У Декандоля перечислено 157 наиболее употребительных культурных растений. Из них для 40 сам Декандоль считает происхождение сомнительным: а) как по причине некоторого отличия, представляемого ими при сравнении с ближайшими к ним дикорастущими видами, так и потому еще, б) что эти последние не окончательно признаны дикими и сами могут быть лишь одичавшими особями. А 32 растения Декандоль признает совершенно неизвестными в диком состоянии». «Но при этом нужно заметить, продолжает Дарвин, что Декандоль не включает в свой список многих растений, отличающихся неопределенностью типов, как-то различных форм тыкв, проса, сорго, фасоли, долихоса, стручкового перца, индиго». [*32] Через 28 лет, после своей ботанической географии, Декандоль, который, заметим, сделался приверженцем Дарвинова учения, издал новое сочинение, специально трактующее о происхождении культурных растений, в которое он включил и все эти, отличающиеся неопределенностью типа, растения, и вот какие произошли с тех пор числовые изменения по обозначенным у Дарвина категориям.

Всех растений перечислено 247, т. е. на 90 более чем прежде; сомнительных из них оказалось вместо 40 только 27, в том числе из ряда а) единственного, могущего быть истолкованным в смысле выгодном для Дарвинова мнения только 3; совершенно неизвестными в диком состоянии оказалось вместо 32 уже только 27, а таких, которые найдены в диком состоянии, оказалось 193, т. е. на 36 больше, чем обозначено всех культурных растений в прежнем списке. Так что, между тем как в 1855 году сомнительные по происхождению виды составляли более 1/4 всех культурных видов, к 1883 году они составляют уже менее 1/9, а число видов вовсе в диком состоянии не находимых от 1/5 уменьшилось до 1/9 же. Это очевидно указывает на то, что чем ботанические исследования станут многочисленнее и точнее, чем лучше будут исследованы малоизвестные страны, тем число неизвестных в диком состоянии культурных растений будет уменьшаться. Надежда эта еще тем основательнее, что эти 27 неизвестных в диком состоянии растений происходят из стран мало исследованных. Надежду эту выражает и Декандоль, говоря, «чтобы достигнуть этого надо, чтобы тропические страны были лучше исследованы, чтобы собиратели обращали более внимания на ме-

европейскую садовую культуру из семян, полученных Клузием в 1550 году из Константинополя; и какие страны не считались его отечеством: и Гималаи, откуда французское название, *Maronnier d'Inde*, и плоские возвышенности Средней Азии, и горы Персии И только в 1876 году было оно в действительности найдено. «Отечество лжекаштана долго составляло задачу для ботаников. Задача однако же была разрешена афинским профессором Орфанидесом, который по заметке во французском переводе Гризобаховой «*Растительности земного шара*», сделанной г. Чихачевым, открыл это дерево в диком состоянии на материке Греции, подтверждая таким образом мнение, давно уже выраженное Декеном, [*27] прибавим и сообщение Сибтрона, что лжекаштан растет в горах северной Греции. То же самое можно сказать и об обыкновенной сирени (*Syringa vulgaris* L.). Столь известный и красивый кустарник этот был описан в первый раз Маттиолем в 1565 году и три года перед тем введен в европейскую культуру возвратившимся в 1562 году из Константинополя Бусбеком — посланником императора Фердинанда I при султани Солимане II. Поэтому и полагали, что сирень происходит из Малой Азии или Персии, с которыми сношения Константинополя были часты и обыкновенны. Но нигде в этих странах дикая сирень найдена не была, и Дарвин еще говорить: «что многие растения, разведенные в садах с самых древнейших времен, напр., некоторые розы, так называемый царский венец, тубероза и даже *сирень* в диком состоянии вовсе неизвестны». [*28] Но и относительно сирени разгадка разгадалась, не прибегая к изменению до неузнаваемости, до переступления через видовую грань типической дикой формы — культурой. Знаменитый русский путешественник Пржевальский, нашедший и дикого верблюда, нашел и обыкновенную сирень дико растущей в долинах хребта Алашан, в княжестве того же имени в южной Монголии в углу между провинцией настоящего Китая Гань-су и великим изгибом или лукой реки Хуан-хо, там, где она изменяет свое восточное направление в северное. Страна эта, хотя и лежит под 39° с. ш., но по высокому своему местоположению (не ниже 2,000 ф. у самого русла Хуан-хо, а на плоскогорье; до 5,000 ф.) имеет очень холодные зимы. [*29] Этим и объясняется, разведение этого кустарника даже до Архангельска. Кажется, что напрасно Дарвин считает неизвестным в диком состоянии и туберозу (*Polianthes tuberosa* L.), по крайней мере, в подробной монографии этого растения Ричарда Салисбури прямо сказано: растет дико в Мексике в холодной и умеренной полосе. [*30] И это на следующих основаниях: Паркинсон, неправильно разделивший это растение на два вида, *Hyacinthus indicus major* и *H. indicus minor* говорит в 1656 году: «Оба растут дико в Вест-Индии, откуда привезены испанцами и распространены между любителями. В 1504 году Симон де Товар культивировал ее уже в Севилье и мог получить туберозу только из Америки, ибо в Индии испанцы владений не имели. Всего же важнее свидетельство Гернандеца, который прямо говорит: «*provenit in frigidis et temperatis regionibus, veteri incognita mundo*»; [*31] с

груш, яблонь и других плодовых деревьев, и произведший их в большом числе, чем может быть все остальные плодовые в совокупности. Но пересадка ослабляет питание дерева. Это же замечается отчасти и у животных, именно у домашних птиц, которые несут бесплодные, так называемые жировые, яйца и вообще мало несутся при слишком сильном кормлении. Если этого не замечается у домашних млекопитающих, то вероятно потому что они, за исключением откармливаемых на убой, не получают большего питания, чем в диком состоянии. Правда, что в диком состоянии они иногда подвергаются совершенному голоду и вымирают в большом числе, но обыкновенно, имея в своем распоряжении обширные пастбища (как напр., одичавшие лошади и рогатый скот, в Пампасах), они питаются вдоволь. Следовательно, нельзя видеть в одомашнении причину, всегда усиливающую плодовитость и этим объяснять плодотворность скрещивания домашних разновидностей, по-видимому, столь же или даже более отличных, чем естественные виды. Если одомашненные могло произвести полное бесплодие, или ослабить плодовитость одной и той же породы, почему оно не только не могло бы произвести того же влияния на скрещивание разных пород, но должно было еще устранять это бесплодие, между формами настолько друг от друга уклонившимися, что случись они в диком состоянии, то наверно были бы бесплодными т.е. были бы видами?

«Настоящая трудность вопроса, говорит Дарвин, по-моему, заключается не в том, почему одомашненные разновидности не сделались взаимно бесплодными при скрещивании, но почему это так постоянно случается с естественными разновидностями лишь только они *изменились достаточно, чтобы сделаться постоянными видами*. [*18] Оставив в стороне все, что тут есть гипотетического т. е. постепенное образование видов из разновидностей, мне кажется, что тут нет никакого затруднения. Именно виды бесплодны потому, что, различия между ними заключающиеся, во всем их строении, а не в их отдельных характерах, для этой цели достаточны; домашние же разновидности *недостаточно для этой изменились* — опять таки в целом, в сущности, а не в отдельных признаках.

Как бы чувствуя всю слабость своих доводов, Дарвин старается ослабить вообще значение плодовитости и бесплодия при скрещивании разновидностей и видов, хотя, как мы видели, сам придает ему большое значение, когда ему нужно доказать происхождение всех пород домашних голубей от одного вида. Эту сравнительную, но его мнению, неважность факта взаимного бесплодия видов и плодовитости разновидностей доказывает он, приводя в параллель с ними некоторые другие физиологические различия, которые характеризуют виды того же рода, но не встречаются между разновидностями того же вида и затем, отрицая важность этих последних, гово-

рит: «Я не вижу, почему им (т. е. бесплодию и плодovitости) приписывают, такую первостепенную важность в сравнении с другими различиями в отправлениях». [*19] Но некоторые из этих других различий, могущих подобно бесплодию также быть причисленными к характеристическим особенностям организмов, очень важны и только усиливают то значение, которое мы должны придавать видовой ступени различий; другие же действительно не важны, но Дарвин ошибочно и принимает их за видовые особенности. К таким важным отличиям принадлежат: 1) Что некоторые родственные виды деревьев не прививаются друг к другу, а все разновидности того же вида к этому способны. Это представляется мне весьма важным, как указывающее на то, что между разновидным и видовым различием есть значительный промежуток — как бы скачок. Между видами иногда только возможны прививки, а между разновидностями всегда возможны. Если неспособность к прививке и не составляет, всегда видового свойства, то способность к прививке есть постоянное свойство разновидностей, как бы они по внешним признакам между собой ни отличались, и это показывает, что органическое различие между ними незначительно. Впоследствии, при специальном разборе вопроса о гибридизации, мы подробно рассмотрим этот предмет, пока же заметим, что из аналогии с прививкой Дарвин выводил совершенно неправильное заключение: что «не более причин полагать, что виды были снабжены особою способностью к различной степени бесплодия для предотвращения их скрещивания и смешения в природе, чем думать, что деревья были специально одарены различными степенями затруднительности к взаимной прививке, дабы предупредить их сращение в наших лесах». [*20] Да полагать этого вовсе и не нужно. То и другое, т. е. неспособность к прививке и бесплодие гибридов, суть результаты известного различия в строении, устанавливающее явную грань между растительными формами, — грань, зависящую относительно гибридов в большей степени, а относительно прививки в меньшей степени от систематического сродства их. Эта различная степень зависимости также весьма понятна. Для прививки это зависит главным образом от различий в строении растительных органов, и именно ствола, а для гибридизации от различия в органах воспроизведения; а на этих-то последних систематическое сродство существенным образом и основывается, как на таких частях организма, на которые внешние влияния менее непосредственно действуют, и в которых поэтому выражается прямее и сильнее внутренняя сущность организма. Сверх сего, первое не имеет в природе никакого значения, а последнее имеет своим несомненным результатом — сохранение раздельности и чистоты видовых форм, следовательно и составляет вернейший критерий видового различия. Из этого понятно, почему связь между бесплодием и систематической группировкой органических форм гораздо ближе и теснее, чем между этой последней способностью к прививке. Это соотношение, эта связь между способностью к безграничной плодovitости в членах одних групп и бесплодием их с членами дру-

гающие аналогические факты, а с другой фактические доказательства, что многие из культурных растений, происхождение которых было неизвестно в начале пятидесятих годов, когда Декандоль напечатал свою знаменитую *Geographie botanique raisonnee*, были после того открыты в диком состоянии.

Аналогические факты заключаются в том, что не только в каких-либо диких, малоизвестных странах, и не только какие-нибудь травы, или хотя бы растения настолько заметные, как большинство возделываемых на пользу человека, но в Европе, в странах исследованных известными ботаниками, были открываемы неизвестные дотоле громадные деревья, поразительно характерные и отличные по своему наружному виду. Так Андалузская пихта (*Abies Pinsapo Boiss*) дерево более 12 сажен ростом, красоты поражающей, изумительной, вида необычайного и по сизоголубоватому оттенку хвои и по крестообразному расположению молодых веток — была в первый раз описана в 1838, введена в культуру в 1839, открыта, т. е. замечена ботаником только в 1837 году, и это не в какой-нибудь азиатской или африканской трущобе, а в Андалузии, где она образует целые леса по склонам Сиеры-Невады, не на мало доступных местах, а на всем доступной высоте от 3,000 до 6,000 фут. [*26] В том же 1837 году было открыто еще более высокое дерево и почти не уступающее по красоте и поразительному виду — Нордманова пихта (*Abies Normandiana Spach*) в Абхазии у берегов Черного моря одесским профессором Нордманом. Кефалонская пихта (*Abies Cephalonica Link*) была открыта в горах Греции в 1824 году, где, между прочим, растет на знаменитом Парнассе. В еще гораздо позднейшее время, именно уже в семидесятых годах, если не ошибаюсь не ранее 1876 года, была найдена сербским ботаником Панчицем (*Pancic*) в западных Балканах новая ель — *Picea Omorica*. Подобным же образом был открыт, хотя, и невысокое дерево, но весьма характерно цветущий кустарник — особый вид столь известной сирени в исследованной многими ботаниками Венгрии и Трансильвании *Syringa Josikaea Jacq.* графиней Розалией Йозике в 1830 или в 1831 году. Следовательно, можно ли терять надежду отыскать многие из наших культурных растений, далеко не обращающих на себя такого внимания, как только что поименованные деревья и кустарники, в странах сравнительно с Венгрией, Испанией и даже с Турцией и Кавказом, можно сказать, почти неизвестных в ботаническом отношении? Так, например, только в 1853 году найдены в горах Малой Азии нашим путешественником Чихачевым целые, на сотни верст тянущиеся, леса знаменитого ливанского кедра, который почти исчез на самих Ливанских горах. Но этого мало, мы можем представить положительные примеры многих культурных растений, отечество которых, почитавшееся неизвестным, было, однако же, отыскано в недавнее время. Начнем с большого общеизвестного и чрезвычайно характерного дерева — с конского лжекаштана *Aesculus Hippocastanum L.* Он введен в

гут стоять на одной ступени, не могут равняться с признаками видовыми, принадлежащими к самой сущности организма, хотя бы казалось, что они и менее значительны, чем искусственно приобретенные. Различие между теми и другими существенно. Но и естественные разновидностные признаки носят на себе тот же характер непостоянства, и потому и характеры, приобретенные одомашниванием, могут быть приравняемы только к ним, а никак не к видовым характеристикам.

Но если это неоспоримо относительно тех животных, на которые Дарвин обратил специальное внимание, как на более изменчивых, и притом таких, о которых могли быть собраны многочисленные факты и о теперешнем их состоянии, и об историческом их происхождении, то, где положительные факты его оставляют и где приходится довольствоваться более общими соображениями, — он считает возможным предположить существование изменений столь значительных, что они совершенно скрыли от нас те природные корни, т.е. дикие виды, от которых произошли эти продукты культуры, хотя они, по его мнению, по всем вероятностям и теперь продолжают существовать, но стали уже неузнаваемы, при сравнении со своими изменившимися потомками.

Это должно было случиться, по его мнению, изложенному уже в первой главе, со многими из наших культурных растений, диких родичей которых мы не знаем. Тут изменения, вследствие возделывания, должны были достигнуть и даже переступить видовые грани. Дарвин выражает это так: «Значительный итог изменений, медленно и бессознательно накопленных в наших возделываемых растениях, объясняет, как я думаю, хорошо известный факт, что в большом числе случаев мы *не можем распознать*, а потому и не знаем диких прародителей растений, которые разводились в течение наиболее долгого времени в наших цветниках и огородах» [\[*24\]](#)

В пользу этого мнения Дарвин, приводит два соображения или доказательства, — одно прямое, а другое косвенное.

I. Прямое состоит в следующем: 1) «что растения полезные большей частью крупны и отличаются заметно от других, что они ни в каком случае не могли произойти из мест пустынных (где жителей не было), очень отдаленных, и недавно открытых островов, что дикари едва ли бы выбрали для возделывания растения редко попадающиеся». [\[*25\]](#) Смысл этого места, очевидно, тот, что нельзя ссылаться на неисследованность флоры многих отдаленных стран, и трудно надеяться отыскать диких прародителей тех, из наших культурных растений, которые до сих пор остаются неизвестными. Но такому мнению можем мы противопоставить, с одной стороны явно его опровер-

гих групп, весьма хорошо выражена Мильн Эдвардсом, в заключение разбора вопроса о гибридизации: «Неспособность содействовать физиологическому труду, результатом, которого является новый индивидуум, предполагает существенные различия в природе организмов; также точно как способность воспроизводиться между собою предполагает такое сходство в их природе, значение которого огромно. Но ежедневное наблюдение научает нас, что эта способность никогда не бывает у животных, которые много друг от друга отличаются в их строении; следовательно мы вправе заключить, что одушевленные существа, очень различные между собою по строению, не принадлежат к одному зоологическому виду». [\[*21\]](#)

2) Период беременности обыкновенно бывает различен у разных видов, но подобного различия не замечаем у разновидностей. И это различие очень важно, потому что периода беременности нельзя ни удлинить, ни укоротить в сколько-нибудь значительной степени внешними влияниями. Если бы это было возможно, то при подборе давно бы обратили на это внимание, ибо практическая польза от укорочения очевидна.

С другой стороны к неважным особенностям принадлежат: 1) время потребное для прорастания семян, ибо мы знаем, что оно и ускоряется и замедляется по произволу, до известной степени конечно, с увеличением или с уменьшением температуры, или ускоряется при помощи различных средств: прибавлением напр., кислоты к воде, в которой намачиваются прорастающие семена, или обдаванием кипятком семян акаций и других бобовых. Но напрасно говорит Дарвин, будто «время, потребное для прорастания семян различается подобным же образом (т. е. как период беременности для видов); но я не слышал, чтобы кто-нибудь заметил какое-нибудь различие в этом отношении у разновидностей». Да это столь обыкновенное явление, что тут и слышать не об чем, и только удивительно, как мог об этом забыть Дарвин. Чем тверже, плотнее оболочка — скорлупа семени, тем медленнее проникает сквозь нее необходимая для прорастания влажность и тем сильнее должно разбухать ядро, чтобы заставить скорлупу раздаться и позволить выйти ростку. Поэтому, чтобы ускорить прорастание; скорлупу подпиливают, и у семянных торговцев таким образом обработанные семена называются — семенами подготовленными — *zerebeitete Saamen*. Но это приготовление к скорейшему прорастанию совершается самой природой во всех тех разновидностях, все равно природных или домашних у которых утонена скорлупа. Например: в тонкокожих миндалях *amandier des dames*, *Princessen Mandeln* и других — сравнительно с обыкновенными твердоскорлупчатыми, или в тонкокожих лесных орехах, каковы так называемые в России волошские орехи, а в Крыму фундуки: Трапезунд, Бадем, Керасунд — сравнительно с обыкновенными лесными; в разновидности грецкого оре-

ха, называемой *des mesanges* потому, что скорлупа его так тонка, что легко пробивается клювом синичек — в сравнении с диким лесным грецким орехом.

2) К таким же неважным отличиям принадлежит и чувствительность к ядам. «До новейшего времени, говорит Дарвин, не знали подобного случая (т. е. различной степени чувствительности) у разновидностей; теперь же доказано, что безопасность от действия какого-нибудь яда находится иногда в соотношении с цветом волос». Не говоря о том, что замечается лишь относительно немногих животных (свиней и баранов) и немногих ядов (корень растения *Laechnantes* ядовит для белых, но не для черных свиней), и в этих немногих фактах, которые очень интересны сами по себе, не было надобности, чтобы судить о ничтожности этого признака, как видовой или разновидностной особенности, потому что всякому известно, что даже различные индивидуумы обладают весьма различной чувствительностью к действию некоторых ядов. Ядовитые грибы, причиняющие одним сильные припадки и даже смерть, съедаются другими без малейших вредных последствий. Многие постепенно приучают себя к принятию значительного количества столь сильных ядов, как мышьяк и морфий. Очевидно, что такое свойство, которое каждый индивидуум может развить у себя в значительной степени, не может служить отличительной особенностью вида и ничего аналогического с бесплодием видов не имеет. Если белые свиньи оказываются чувствительными к яду корней *лахнантеса*, то известно, что белый цвет шерсти, если он не составляет характеристической окраски вида, свидетельствует о некоторой слабости организма, и потому неудивительно, что вредное белым свиньям — безвредно для черных.

Итак, заключаю я, всеми этими соображениями Дарвину не удалось ослабить значение бесплодия между видами и плодовитости разновидностей. Признак этот остается достаточно точным и определенным критерием для обозначения тех степеней органического различия, которые мы называем видовыми и разновидностными, и столь же достаточными должны считаться доказательства того, что все изменения, происшедшие при одомашнении животных, не достигли видовой ступени различия, а остались на ступени разновидностей. Кроме этого важного различия между настоящими видами и теми изменениями, которые произошли в животных, под влиянием приручения, заключающегося во взаимном бесплодии (полном или ограниченном) первых и в плодовитости последних; между ними существует еще и другое не менее важное. Именно, между тем как виды остаются в существенных своих признаках постоянными, каким бы внешним влиянием они не подвергались, если только могут их вообще перенести, изменения, достигнутые при приручении подбором ли или иным образом, исчезают при не-

сколько значительном изменении условий, при коих они произошли и сохранялись. Мы видели выше примеры одичания, которые Дарвин оспаривает в смысле возвращения формы к её нормальному видовому типу. Я показал несправедливость его возражения, но пусть будет это по его желанию. Тот факт остается несомненным, что признаки, приобретенные при одомашнении, теряются, хотя бы заменялись и другими, а не нормальными видовыми. И этого уже достаточно для заключения, что все изменения домашних животных видовой степени не достигли, ибо точно так, как к этой степени принадлежит физиологическое свойство бесплодия с другими видами, ей же принадлежит и морфологическое свойство охранения всех существенных черт строения, при всевозможных обстоятельствах. Это признает и Дарвин, говоря: «Можно принять за общее правило, что прирученные породы различаются между собой в меньшей степени, чем виды, а если и проявляются более значительные различия, то они *не так постоянны*». [*22] В различных местах этого труда представлено много примеров такого непостоянства. Поэтому ограничусь здесь приведением одного, чрезвычайно сильного, о котором упомянуто в Приложении II. Из Японии была привезена порода домашней свиньи, показавшейся столь отличной, что многие английские зоологи сочли необходимыми, признать ее за особый вид *Sus pliocerps*, голова которой изображена и в русском переводе «Прирученных животных и возделанных растений», Т. I, стр. 72.

Но, несмотря на давность одомашнения свиней в тех странах, признаки этой свиньи оказались непостоянными и «потомки пары этих животных, воспитывавшихся в зверинце парижского естественноисторического музея, не замедлили потерять свои характеристические черты». [*23] С китайскими золотыми рыбками сделалось то же самое. Я должен здесь предупредить возражение, которое может быть мне сделано. Именно могут сказать: при изменениях, происшедших путем искусственного подбора, имелась в виду не польза самого животного, а совершенно посторонние для него нужды человека, и потому неудивительно, что они преходящи, тогда как признаки составляющие характеристику вида постоянны, как приобретенные в интересах самого животного. Но, во-первых, очевидно, что интерес или выгода самого животного, не иное что, как приноровленность черт его строения к данным условиям среды. Следовательно, с переменой их, если она значительна, и приноровление прекращается, но характер видовой все-таки остается постоянными, или организм погибает. Во-вторых, изменения домашних животных не в их собственных выгодах могли бы ведь вести только к гибели самих индивидуумов, при ненормальных условиях; — но индивидуумы не гибнут, а только признаки их исчезают. Значит они не глубоко вкоренены в природу существа, составляют как бы посторонние для него наслоения, не проникают его существа насквозь и потому именно и не мо-